

Рано утром Сюй Шуанцы, совсем лишившись сил, перекусил плодом и снова погрузился в сон.

Хозяина пещеры он так и не дождался.

И так продолжалось несколько дней подряд.

Солнце сменялось луной, а на каменной стене появились пять высеченных черточек, сложившись в полный счет.

Прошло пять дней.

Все это время Сюй Шуанцы валил с ног непреодолимый упадок сил — будто после тяжелейшей болезни, мгновенно вытянувшей из него всю жизнь. Посему ему только и оставалось, что есть да спать.

Разве что изредка он осторожно пробирался мимо затаившегося Большого Кота наружу, чтобы справить нужду.

Наконец, после пяти дней непрерывной непогоды, пещеру озарило ласковое солнце.

Завернувшись в шкуру и обняв колени, Сюй Шуанцы присел у самого выхода, впитывая долгожданное тепло.

Судя по наблюдениям последних дней, здесь царила осень, однако холода стояли такие, какие у него на родине бывали разве что глубокой зимой.

Да и сутки здесь тянулись заметно дольше.

Питаясь одними лишь плодами, ему приходилось перекусывать по четыре-пять раз на дню.

К слову, владельцем пещеры оказался не кто иной, как этот самый Большой Кот.

Именно Кот приносил дикие фрукты, именно он делился с ним мясом. И все припасы, что копились в соседнем гроте, огромный зверь добывал в чаще сам.

Все эти пять дней он уходил с рассветом и возвращался лишь в сумерках. Его добычей становилась мелкая травоядная дичь — когда больше, когда меньше.

Большой Кот обладал добрым нравом и, замечая, что у его незваного гостя заканчиваются плоды, время от времени приносил свежие.

Дело было к вечеру.

Сюй Шуанцы, съев пару Красных Плодов, грелся на солнышке у входа.

Едва заходящее солнце коснулось горизонта, как показался хозяин с очередной добычей на спине.

Выйдя из леса, Цин еще издали приметил Сюй Шуанцы, сидевшего на пороге.

На мгновение гигантский тигр замешкался, но тут же с невозмутимым видом устремился вверх по склону к пещере.

Его ледяно-голубые глаза скользнули по юноше. Субоборотень поплотнее натянул шкуру, прикрыв половину лица, но продолжил завораживающе приглядываться к зверю.

Цин дернул ухом.

Смутно вспомнились слова отца: перед самой смертью оборотни нередко испытывают внезапный прилив сил — могут и бегать, и прыгать.

Субоборотень пролежал пластом столько дней, а теперь доковылял до входа, да еще и румянцем пышет... Похоже, конец уже близок.

Хвост Цина пару раз вильнул из стороны в сторону, и зверь повернул в соседний грот, где хранил припасы.

Сбросив тушу, он вернулся обратно.

Субоборотень успел забиться обратно на свою подстилку из сухой травы.

Цин опустил возле него огромный зеленый лист, зажатый в зубах, и вновь улегся у самого выхода.

Бледнота сошла с лица гостя, а губы отъелись и налились нежно-алым соком, словно мякоть Красного Плода. Вот только холода он все еще боязливо сторонился, кутаясь в шкуры с головой.

Цин прикрыл глаза, погрузившись в молчаливое ожидание неизбежного.

Сюй Шуанцы взглянул на сверток величиной с хорошую пальмовую ветвь, поднял его и уложил на колени. Развернув лист, он обнаружил привычные сочные фрукты.

— Спасибо, — тихо произнес Сюй Шуанцы.

Цин лишь слегка приоткрыл один глаз, не шевельнувшись и продолжая наблюдать.

Плоды в этот раз попались на редкость отборные — крупные, налитые румянцем, точно с самой верхушки дерева.

Но, честно говоря, от их вкуса за эти дни Сюй Шуанцы уже воротило.

Прожив под одной крышей несколько суток, он не ощутил от хищника ни капли агрессии — напротив, тот проявлял молчаливую заботу. Поневоле юноша немного осмелел.

Пришло время ужина, а смотреть на фрукты после пятидневной диеты не хотелось вовсе.

К счастью, Большой Кот ежедневно выделял ему кусок парного мяса.

Раньше Сюй Шуанцы притронуться к нему не смел; если кусок пролежал день нетронутым, на следующее утро он исчезал — скорее всего, его съедал сам хозяин.

И все же свежая порция появлялась исправно.

Сегодня, набравшись сил, юноша решил наконец порадовать свой изголодавшийся по нормальной пище желудок.

За порогом пещеры журчал горный ручей.

Прижав к груди фрукты и мясо, Сюй Шуанцы, стелясь вдоль каменной стены, осторожно проковылял мимо Цина.

Вблизи Большой Кот выглядел еще внушительнее: ледяной взор, розовые округлые ушки и массивные подушечки лап, невероятно похожие на очищенный мангустин.

С трудом подавив непреодолимое желание потискать эту роскошную шерсть, юноша отвернулся и поспешил спуститься ниже.

Цин слегка склонил голову набок. Хоть ситуация и казалась странной, он не сводил с субоборотня пристального взгляда.

Горный поток сбегал с вершины, уходя далеко на юг.

Вода была кристально чистой, прозрачной до самого дна.

В речных глубинах колыхались водоросли, а под валунами проглядывали знакомые силуэты мелких рачков и крабов.

Веселыми стайками сновали рыбешки величиной с указательный палец, счищая налет со скользких камней.

В этот мир Сюй Шуанцы перенесся прямо из постели, босиком.

В первые дни сил ни на что не хватало, но едва полегчало, он тут же сшил себе подобие меховых носков.

Спасибо детству, проведенному с бабушкой и дедушкой в деревне: кое-каким ремеслам его обучили. Завершив носки, он смастерил еще и лапти из сухой травы.

Натянув шкуры и сунув ноги в обувь на пару размеров больше нужного, юноша выглядел неуклюже, но всяко лучше, чем ходить босиком по острым камням.

Присев у воды на корточки, Сюй Шуанцы отложил припасы и принялся обшаривать дно, отбирая плоские, гладкие камни.

Осенняя вода обжигала холодом; за считанные мгновения его пальцы и запястья покраснели.

Дрогнув от озноба, он достал из свертка плоды и сырое мясо, после чего тщательно промыл сам лист.

Огромный, полуметровый, в развернутом виде он походил на зеленую лодочку. Плотный и гибкий, на ощупь напоминающий пальмовый крон, он отлично держал форму.

Промыв его, юноша ловко подогнул края, превратив в удобный лоток, куда и уложил вымытую дичь с фруктами.

Набрав охапку сухой прибрежной травы, Сюй Шуанцы принялся с усилием оттирать самый крупный и плоский валун.

Пронизывающий ветер забирался за воротник, вызывая дрожь до самого мозга костей. Юноша судорожно втянул носом воздух.

Чудом избежав смерти, он намеревался беречь здоровье изо всех сил — простуда в таких условиях смертельно опасна. "Вернусь в пещеру — первым делом скрою нормальную теплую

одежду", — дал он себе зарок.

Закончив с уборкой, он подхватил импровизированный поднос за черешок и, обняв камни, устремился обратно.

Осторожно обогнув дремавшего Кота, Сюй Шуанцы выгрузил ношу.

В пещере сохранились следы старого кострища. Используя камень и обломки породы, смешанные с влажной глиной, он соорудил незамысловатый очаг, накрыл его плоской каменной плитой и принялся добывать огонь трением.

Цин с нескрываемым любопытством наблюдал за странной суетой незваного гостя. Затем, будто вспомнив нечто неприятное, тяжело вздохнул через нос.

В его синих глазах мелькнуло искреннее замешательство.

"Почему он всё ещё жив?"

Тигр окончательно распахнул глаза, пригвоздив юношу пристальным взглядом.

Субоборотень сидел на корточках, превратившись в бесформенный кожаный кокон.

Его бледное лицо напряглось. Сжимая в ладонях деревянную палочку, подтесанную каменным ножом, он со всей дури крутил ее, уперев в сухую деревяшку.

Цин склонил голову. "Он что, играет?"

Шершавый язык лизнул сухой нос. Устав ждать неизбежной кончины двуногого, тигр собрался было снова прикрыть глаза.

Но в запнувшийся воздух резко вмешался запах гари.

Цин мигом вскочил. Дым валился именно оттуда, где сутился юноша.

Тот уже набросил на тлеющие опилки сухой мох и изо всех сил раздувал искорку. Щёки субоборотня раздулись, лицо побагровело — казалось, он вот-вот упадет без чувств от нехватки воздуха.

Цин нервно дернул хвостом. "Да как же он до сих пор не испустил дух?"

Поняв, что недотепе нужен огонь, зверь бесшумно приблизился и с легким раздражением выдохнул прямо на тлеющие стружки.

Пых!

Вспыхнувшее пламя так напугало Сюй Шуанцы, что тот отшатнулся и шлепнулся назад, уткнувшись спиной аккурат в мощную переднюю лапу Цина.

Юноша замер с ошарашенным видом.

Тигр наклонился, разглядывая его макушку:

— Бросай... дрова.

Из-за долгого молчания слова давались зверю с трудом, разорванно. Его глубокий, чистый бархатный голос прозвучал для Сюй Шуанцы чудной, но невероятно приятной мелодией.

Заметив, что огонь начинает угасать, юноша торопливо подбросил сухих веток.

Цин же, освободив лапу, отошел на пару шагов и неторопливо улегся в стороне, подальше от костра. С огнем шутки плохи.

Затеpliant устойчивый очаг, Сюй Шуанцы несмело косился на гигантского кота, лежавшего всего в двух метрах.

Немного подвинувшись ближе, он кротко улыбнулся:

— Спасибо.

Сначала Цин не понимал значения этого слова, но, слыша его постоянно, догадался по смыслу.

Этот чужак явно прибыл из неведомых дальних краев — его речь ни капли не походила на наречие Золотого Континента.

Цин неподвижно смотрел на языки пламени и на сидящего у огня Сюй Шуанцы.

Отсветы костра плясали на лице юноши. Взгляд его прояснился, движения стали ловкими и точными. Если не считать пары покашливаний от дыма, в нем не осталось и следа прежней слабости.

Сейчас субоборотень выглядел вполне здоровым — даже более бодрым, чем в тот день, когда Кот наткнулся на него в лесу.

Цин дураком не был и прекрасно понял: болезнь отступила.

"Поправился... И что теперь? Мне придется кормить его вечно?"

Почувствовав на себе пристальный взор, Сюй Шуанцы снова мягко улыбнулся.

Черты его лица отличались утонченной, безобидной красотой, а тихий, нежный голос не нес ни малейшей угрозы.

Хоть Цин и отвык от общества других оборотней, он непроизвольно поддался этой кротости.

Кончик тигриного хвоста лениво пробежал по подстилке и улегся у бока.

"Ладно, посмотрим. Ест он всё равно немного."

Сюй Шуанцы повернулся к очагу. Каменная плита раскалилась, остатки влаги с шипением испарились.

Взяв каменный нож из тех, что нашлись в пещере, он принялся нарезать мясо тонкими ломтиками. Клинок оказался удивительно острым.

В углу юноша заметил и другие примитивные орудия из кремня и кости, напоминавшие утварь первобытных людей — оставалось лишь гадать, где Большой Кот их раздобыл.

Выложив ломтики прямо на горячий камень, он прислушался к аппетитному шкворчанию. Под действием жара мясо съезживалось, вытапливая прозрачный сок и жир.

Воздух наполнился упоительным ароматом.

Цин лишь на мгновение вскинул взгляд, скользнув по угасающим углям, а когда юноша подбросил сухих веток, снова потерял интерес.

Заметив, что мясо подрумянилось, Сюй Шуанцы нарезал половину Красного Плода и уложил ломтики сверху. Вторую половину он крепко сжал, выжав терпкий сок прямо на шкворчащие кусочки, а мякоть отправил в рот.

Едва ужин приготовился, юноша, защитив пальцы плотным листом, сдвинул раскаленный камень в сторону и подложил в очаг еще пару поленьев.

За отсутствием стола и стульев пришлось устроиться прямо на сухой траве, скрестив ноги.

С помощью самодельных деревянных палочек Сюй Шуанцы отправил первый кусочек в рот.

Вышло невероятно вкусно!

Мясо оказалось сочным, без малейшего неприятного запаха, с естественной легкой сладинкой. В сочетании с запеченными плодами и соком получился своеобразный, сладковатый букет, но в отсутствие соли это было куда лучше пресной волокнистой массы.

Изголодавшийся юноша моментально умял два ломтя подряд.

Немного утолив голод, Сюй Шуанцы взглянул на гигантского кота, непрерывно гипнотизировавшего пламя.

Подхватив кусочек мяса на застланном листочке, он осторожно протянул его вперед:

— Будешь... пробовать?

В круглых глазах тигра не было дикого безумия. Казалось, он прекрасно понимал человеческую речь и умел мыслить.

Сюй Шуанцы даже пробовал проверить, не кроется ли под тигриной шкурой дух его земляка-переселенца, но Кот лишь одарил его таким взглядом, каким смотрят на законченных дурачков.

Земляком зверь не был, но явно обладал разумом. Именно поэтому юноша не боялся заводить с ним разговор.

Цин лишь мельком скользнул взором по поднесенной подкормке и отвернулся.

Но незванный гость проявил упорство — страшный хищник его ничуть не пугал.

Сюй Шуанцы несмело подвинул зеленый лоток ближе к морде зверя, после чего отдернул руки:

— Попробуй, правда очень вкусно.

Проведя столько дней в полном молчании, он жаждал хоть какого-то общения — пусть даже с исполинским котом. В его глазах светилась детская надежда.

Цин намерен был проигнорировать угощение, но, подчиняясь неясному порыву, слизнул сочный кусочек шершавым языком.

Порция оказалась на один зуб, однако вкус действительно отличался от сырого мяса.

— Вкусно? — оживился Сюй Шуанцы.

Тигр лишь смежил веки и переложил тяжелый подбородок на другую лапу.

Такая капля ему всё равно на один зуб — пусть недотепа сам наедается.

Не получив ответа, юноша ничуть не огорчился и с удовольствием расправился с остатками трапезы.

Помыв раскаленный камень и сполоснув лицо у ручья, Сюй Шуанцы вернулся в пещеру.

Большой Кот лежал на том же месте. Юноша окинул взглядом его плотно округлившийся живот: похоже, хищник успел сытно пообедать на охоте.

Подбросив еще дров в костер, Сюй Шуанцы залез под шкуры.

Ложе, на котором он обустроился, раньше наверняка принадлежало хозяину пещеры, но с его появлением оказалось беззащитно захвачено.

Кот возлежал всего в метре от лежбища, но Сюй Шуанцы уже не испытывал страха.

За пять дней невольного соседства присутствие огромного зверя, напротив, дарило ему умиротворение и чувство защищенности.

Скинув тяжелую накидку, юноша укутался в сухие мягкие шкуры.

Сумерки только сгущались, и после сытного ужина сон не шел. Достав припасенные костяные иглы и крепкие жилы, он принялся за шитье.

Выделанные кожи были жесткими, а иглы — толстыми; приходилось прикладывать немало сил, чтобы проткнуть плотную мездру. С такой скоростью на пошив хотя бы одного наряда уйдет недели две.

Ночной ветер заставлял пламя костра трепетать и метаться по стенам.

Завернувшись в шкуры, Сюй Шуанцы упорно трудился; длинные ресницы отбрасывали густые тени на его щеки.

Он был настолько поглощен работой, что даже не заметил, как Цин поднимался, чтобы подбросить полено в огненное зелье.

Когда веки начали слипаться от усталости, юноша отложил шитье.

Опустив голову на валикообразную подушку из свернутых кож, он тихо наблюдал за большим котом, сворачивающимся неподалеку, словно верный страж.

В языках пламени тигриный мех казался мягким, окутанным золотистым сиянием.

"Шерсть у него совсем не пахнет кровью, — подумал Сюй Шуанцы, уткнувшись подбородком в край покрывала. — Напротив, от нее веет свежей травой и чистым ветром. Наверное, уткнуться в нее ужасно тепло..."

С этой ласковой мыслью он погрузился в глубокий сон.

Во сне перед ним вновь пронеслась вся его прошлая жизнь.

Он родился и вырос в глухой деревне.

До десяти лет его детство протекало беззаботно: он бегал по лесам, лазал по оврагам и ловил рыбу в ручьях.

Но однажды, увидав, как дедушка с бабушкой по копейке наскребает из мятых бумажек деньги ему на учебу, он осознал, какой ценой дается его содержание.

С тех пор юноша резко повзрослел.

Он старался браться за любую работу по дому, лишь бы облегчить жизнь родным.

В школу он пошел поздно, но учился на совесть: начальные классы, средняя школа, старшая... Все родственники и учителя прочили ему светлое будущее, надеясь, что он вырвется из нищей глуши.

И он лез из кожи вон, отдавая учебе все силы. А в редкие минуты отдыха брался за подработку.

День за днем, шаг за шагом его несло по течению чужих надежд.

Сюй Шуанцы оправдал ожидания: поступил в престижный университет.

Но и в мегаполисе жизнь не стала слаще: учеба, погоня за стипендией, бесконечные подработки ради оплаты жилья и еды...

А на втором курсе обрушилось страшное горе: один за другим ушли из жизни дедушка и бабушка.

На какое-то время он словно потерял себя — превратился в оборванную нить, за которую больше никому не зацепиться.

Время шло, притупляя боль.

Сюй Шуанцы вернулся в строй: стажировка, работа, бесконечная гонка за зарплатой. Чтобы закрепиться в большом городе, он вкалывал с утра до ночи, разрушая здоровье ночными сменами и переработками.

Зарабатывал неплохо, но организм дал сбой.

Никаких мечт, никаких привязанностей. Жив или мертв, счастливен или нет — стало совершенно все равно.

Во сне он видел себя со стороны: как лежит с мокрыми волосами под одеялом, как во сне сжимает рукой грудь, бледнея от острой боли в сердце, как вспышки грозы за окном на мгновение озаряют убогую съемную комнату...

Оглядываясь на свою короткую жизнь, он почувствовал смертельную усталость.

Он был одинок, словно перекасти-поле, лишённое корней и пристанища. В продолжении подобного существования не прослеживалось ни малейшего смысла.

Но отчего же тогда так больно?

Грудь сдавила невидимая тисковая хватка, а в горле застрял ком невыплаканных слез.

Цин, сидевший у костра, уловил жалобное стонание спящего.

Тревожная, надрывная аура, исходившая от юноши, заставила зверя невольно подняться и подойти ближе.

Лицо субоборотня снова посерело, брови болезненно сошлись на переносице, а длинные

ресницы намокли от слез.

Пальцы судорожно вцеплялись в край шкуры, а губы шептали непонятные слова.

Цин наклонил морду, намереваясь толкнуть чужака и разбудить. Однако его хвост жил собственной жизнью: пушистый кончик принялся беспокойно поглаживать тыльную сторону ладони Сюй Шуанцы.

Вдруг юноша мертвой хваткой вцепился в шерсть!

Цин от неожиданности вздыбил холку, выдернул хвост и отскочил назад на добрых два метра.

Сюй Шуанцы постепенно затих.

Цин улегся подальше, но ушки его тревожно вздрагивали при каждом шорохе.

Очаг горел до самого утра...

Проснувшись поутру, Сюй Шуанцы не обнаружил Большого Кота.

Ночные кошмары развеялись, оставив лишь смутный осадок одиночества да еще...

Юноша поднял руку.

Между пальцами застряли две жесткие шерстинки. Он поднес их к свету, льющемуся из входа. У основания белые, к кончику — пепельно-серые.

Шерсть с тигриного хвоста!

Сюй Шуанцы вспомнил ощущение: хвост как раз ложился в ладонь, а шерсть на ощупь была плотной и чуть жестковатой.

Губы юноши тронула нежная улыбка.

"Кажется, я вчера здорово его напугал..."

Умывшись и поджарив на камне свежий ломоть мяса, Сюй Шуанцы сглотнул слюну. Ужасно хотелось горячей воды.

Вокруг шумел дикий бескрайний лес, с посудой было туго, и, чтобы вскипятить хотя бы ковш, требовалось смастерить настоящий каменный котел.

Порывшись в ворохе хозяйственных мелочей, юноша отыскал увесистое рубило из твердой породы.

Затем он снова спустился к ручью, где повсюду валялись валуны. Прочесав добрую половину русла, подходящих камней он нашел немного.

Боясь испортить единственную заготовку, он притащил в пещеру сразу несколько тяжелых валунов.

Цин еще находился в чаще, когда издали долетел гулкий глухой стук.

Дернув хвостом, он прибавил ход.

Взбежав по склону, тигр застал субоборотня за странным занятием — тот методично обтёсывал камень.

Оставив добычу в соседнем гроте, Цин вернулся в пещеру.

"Что он опять затеял?"

Сюй Шуанцы поднял голову и, увидав силуэт Кота, заслонивший свет, расцвел в искренней улыбке:

— Ты вернулся!

Цин скользнул взглядом по его открытому лицу и прошел к очагу, улегшись на привычном месте.

— Я пытаюсь сделать котел, — певуче заговорил юноша, — правда, уйдет на это еще пара дней. Зато потом мы сможем варить настоящие горячие похлебки! Эх, как же давно я не пробовал ничего соленого... Кабы достать хоть щепотку соли...

Ушки Цина вздрагивали от каждого звука. Этот чужак болтал без остановки, и его мягкий, журчащий голос заставлял тигриные уши чесаться от непривычки.

Зверь с легким замешательством уставился надвигающиеся губы юноши.

"Какая неукротимая болтливость..."

<http://bllate.org/book/20124/1992990>